

производства, названный имъ самимъ: „документы человѣческой природы“—*documents sur la nature humaine*. Вотъ подлинныя слова Тэна: „Вмѣстѣ съ Шекспиромъ и Сень-Симономъ, Бальзакъ является величайшимъ складомъ тѣхъ документовъ, которыми мы пользуемся для ознакомленія съ человѣческой природой“. Отсюда-то Золя и почерпнулъ свое неточное выраженіе: „человѣческіе документы“—*documents humains*.

Бальзакъ пустилъ глубокіе корни въ Золя именно вслѣдствіе нѣкотораго соотвѣтствія въ прирожденныхъ предрасположеніяхъ этихъ обоихъ писателей. Неутомимая настойчивость труженика и громадность работъ особенно плѣняли Золя въ Бальзакѣ. Онъ находилъ въ немъ, кромѣ того, тонкое чутье ко всему современному: Бальзакъ, дѣйствительно, былъ поэтомъ своей эпохи. Золя признавалъ въ немъ вкусъ ко всему реальному: Бальзакъ, дѣйствительно, никогда не имѣлъ въ виду украшенія реального міра. Золя встрѣтилъ въ немъ, наконецъ, способность обнимать широкіе горизонты—стремленіе къ соединенію всѣхъ своихъ романовъ, съ отдѣльными сюжетами, въ одно большое цѣлое. У Тэна Бальзакъ является въ первый разъ вполне оцѣненнымъ, и такая оцѣнка, естественно, возбудила въ Золя смѣлость и самонадѣянность.

Наконецъ, у Тэна встрѣтилъ Золя и особую теорію искусства, которая удовлетворяла его вполне. Это была собственно старая теорія нѣмецкой эстетики, но очищенная отъ всякой метафизики—теорія, утверждавшая цѣлью всякаго художественнаго произведенія умѣнье отыскивать въ предметахъ ихъ выдающіяся и существенныя черты, преобладающую идею, и искусство выразить все это болѣе ясно и болѣе полно, нежели то могутъ сами наблюдаемые субъекты. Такое опредѣленіе задачъ искусства удовлетворяло одновременно какъ склонность Золя къ реальному, такъ и его идею о личной инициативѣ въ искусствѣ. Вотъ его собственныя слова: „художественное произведеніе есть частица міротворенія, усмотрѣнная сквозь темпераментъ художника“. Позже, когда Золя увлекся словомъ: „натурализмъ“, онъ замѣнилъ богословскій терминъ: „міротвореніе“—языческимъ словомъ: „природа“.

Такое опредѣленіе, какъ оно ни ново и какъ ни заманчиво по самой своей простотѣ, все-таки не настолько еще позитивно, чтобы можно было при его помощи совсѣмъ изгнать искусство, вовсе отрицаемое приверженцами натурализма. „Темпераментъ“ все-таки обозначаетъ нѣчто въ родѣ прирожденной своеобразной силы. Такимъ образомъ, вопросъ долженъ быть поставленъ иначе: